

Джерела та література

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Жан Бодрийяр ; [пер. с фр. С. Л. Фокин]. – М. : Добросвет, 2000. – 387 с.
2. Бодрийяр Ж. Система верей / Жан Бодрийяр ; [пер. с фр. С. Н. Зенкин]. – М. : РУДОМИНО. – 104 с.
3. Босенко А. В. О другом: симуляция пространств культуры / А. В. Босенко. – Киев : [б. и.], 1993. – 350 с.
4. Босенко А. В. Реквием по нерожденной красоте / А. В. Босенко. – Киев : [б. и.], 1992. – 256 с.
5. Бурова О. К. Философствование о вещи, или Натюрморт на фоне бытия / О. К. Бурова. – Харьков : [б. и.], 1995. – 120 с.
6. Кнабе Г. С. Образ бытовой вещи как источник исторического познания / Г. С. Кнабе // Випперовские чтения : сб. ст. – М. : [б. и.], 1986. – С. 6–13.
7. Хайдеггер М. Вопрос о технике / Мартин Хайдеггер ; [пер. с нем. В. В. Биbihин] // Гайдеггер М. Время и бытие / Мартин Гайдеггер. – М. : Алетейя, 1993. – С. 221–238.
8. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Умберто Эко ; [пер. с итал. В. Г. Резник, А. Г. Погоняйло]. – СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1988. – 432 с.

Бондарчук Мария. Статус бытовой вещи в современной культуре: культурологический аспект.

Статья посвящена проблеме определения культурного статуса современной бытовой вещи. Выясняются смысловые уровни ее бытования и изменение параметров функционирования. Анализируются основные типы отношения человека к вещи и их историческая трансформация. В контексте поисков причин девальвации статуса вещи в современной культуре исследуется влияние рекламы на смысловые параметры бытовой вещи, а также определяется специфика процесса её развеществления. Также предлагается классификация основных типов культурной системы «человек – вещь» соответственно характеру их коммуникации. Автор определяет перспективы развития взаимоотношений человека и вещи в современной культуре.

Ключевые слова: вещь, предметная среда, гаджет, дизайн, китч, культура, потребительство, реклама.

Bondarchuk Maria. Status Household Things in Contemporary Culture: Cultural Aspect.

The status of the common object in modern culture: culturological aspect. The article is devoted to the problem of definition of the cultural status of the common object of contemporaneity. The semantic levels of it's location in life and measuring of the parameters of it's functioning is founding out. The primary type of the human attitude to the common object and their historical transformation is analyzing. In the context of the searching of the motives of devaluation of the object status in the modern culture the dominancy of the advertising on the semantic parameters of the common object, as well as the specific of the process of the waiting of corporality is investigating. Also proposed classification of the main types of cultural system «human – thing» according to the nature of their communications. The author defines the prospects of development of the relationship between man and things in modern culture.

Key words: object, subject environment, concern, design, kitsch, culture, consumerism, advertising.

Стаття надійшла до редколегії
18.03.2013 р.

УДК 101.1 (165.6)

Нина Гусева

Концепции языка как мироотношенческие модели

В статье представлен философский анализ концепций языка в качестве мироотношенческих моделей, его осмысление с точки зрения различной «предметной» направленности, в рамках исторически обусловленных, смысловых «систем координат», формирующих определенный тип понимания языка, воспроизводящий в то же время существенные черты культуры соответствующего периода.

Ключевые слова: язык, мироотношение, слово, знак, знаковая система.

Постановка научной проблемы и её значение. Начиная с древней философии, проблема адекватного понимания языка не теряет своей актуальности. Язык как явление и языковые явления не являются нейтральными к тому, как человек строит свое отношение к миру и себе подобным.

© Гусева Н., 2013

Язык выступает необходимым условием собственно человеческого отношения к миру. Знание же этого условия не может не быть содержательно значимым для решения любых проблем, характеризующих актуальную связь человека с миром. Различное понимание языка как условия человеческой связи с миром предполагает осознание возможности присутствия различной специфики ее структуры, форм осуществления, способов воспроизведения и т. д., которые существенно корректируют образ мира, в котором человек осуществляет свою жизнедеятельность. В свою очередь, различный образ мира, с которым человек «выходит на связь» с миром через свою жизнедеятельность, выступает основой его практической ориентации, включая принятие решений в любых ситуациях. Сказанное означает, что рассмотрение различных концепций языка имеет существенное социально- и индивидуально-практическое значение в качестве выделенных и в достаточной степени осознаваемых моделей мироотношения. Осознание формы мироотношения, в том числе и через принятую концепцию языка, позволяет конструировать образ действительности с точки зрения ее наиболее существенных черт, осуществлять критический анализ, создавать коррекционные программы – программы совершенствования. Необходимо подчеркнуть, что предстоящее рассмотрение концепций языка не является самоцельным, то есть оно не должно рассматриваться как внутри лингвистическая проблема. Напротив, учитывая сущность языка как явления культуры, образы его, представленные в той или иной концепции языка, выступают по определению характеристиками самой культуры, соответствующей определенному историческому времени. Реконструкция от концепций языка как явления культуры к определениям реальной культуры имеет свой эвристический потенциал. **Задача** его обнаружения является актуальной, поскольку в нем может быть выявлена тенденция и существенные спецификации развития человека и человечества.

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования. В истории философии понимание языка представлено продолжающимся потоком его осмысления с точки зрения различной «предметной» направленности, а точнее, по исходному соотношению, в рамках которого он рассматривается:

- Античная философия
 1. Природа мира – слово.
 2. Природа души человека – слово.
- Философия Средних веков
 3. Природа Бога – слово.
- Философия Нового времени
 4. Объект – слово.
 5. Трансцендентальное бытие – слово.
- Философия Новейшего времени
 6. Общественная жизнедеятельность – слово.
 7. Вариации первых шести подходов – слово.

Каждый из этих соотношений служит исторически обусловленной, смысловой «системой координат», в рамках которой строится определенный тип понимания языка, воспроизводящий в то же время существенные черты культуры соответствующего периода. Учитывая, что все названные варианты соотношений предполагают осуществление мыслительной реконструкции как при рассмотрении языка, так и при выявлении мироотношенческих форм, ведущих для того или иного периода, можно ввести понятие подхода. Понятие подхода будет аккумулировать в себе, во-первых, подвижный, динамичный характер выделенной «системы координат», во-вторых, – способ осуществляемой реконструкции. После этого замечания обратимся к выделенным выше соотношениям-подходам.

Подход, ориентированный на усмотрение в языке того, что выражает связь обозначения объекта с природой, сущностью самого мира. В рамках этого подхода можно упомянуть платоновскую мысль о том, что соотношение имени и именуемого не может быть условным и произвольным. Оно должно соотноситься с природой вещи. Имя должно подражать не звуковому выражению имени, а его сущности. Данный подход, выраженный позицией Платона – автора учения о мире идей, конкретизируется мироотношенческой позицией, выраженной словами о «подражании сущности». В древнегреческой философии человек понимался как малый космос. Это характеризует человека не с точки зрения проходящих, мимолетных характеристик, а как космическую величину,

которая повторяет черты большого космоса. Язык в этой мироотношенческой модели выступает внутренним, неотъемлемым, воспроизводящим ее суть образом, способом, «смысловым и содержательным дублем» и космоса, и микрокосма как единого целого. Его значение, с точки зрения этой позиции, не может быть сведено к значению знака, ярлыка, фишки. Языковая реальность для человека в этом случае есть происходящее вхождение в реальность космоса и, в то же время, есть реальное собственное становление как микрокосма. Предчувствование такой значимости языка и языковых явлений для человека в Древней Греции и Риме фактически выразилось особым вниманием к риторике.

Следующим подходом можно считать выделенную Аристотелем идею о том, что слова должны выражать «представления души». В аристотелевской философии присутствует различие слов как понятий, то есть знаков, выражающих «представления души», и слов как знаков, выражающих знаки, фиксирующие «представления души» и выступающие письменностью [1, с. 93]. Такое деление послужило в дальнейшем осмыслении языка основой получения двух, обретших якобы «самостоятельность», подходов. Первый из них впоследствии окажется основой серии концепций субъективно-идеалистического плана, объясняющего язык и языковые явления сугубо как проявления субъективных состояний человека. Второй из них в нашем списке фигурирует под номером 4. Речь идет о подходе, приравнивающем язык к средству обозначения объектов через знаки. Аристотелевская мысль о том, что язык должен выражать «представления души» в то же время не должна рассматриваться как такая концептуальная идея самого Аристотеля, которую можно квалифицировать как склонность к субъективному идеализму в трактовке сущности языка. Говоря о том, что язык должен выражать «представления души» Аристотель имел в виду единство самого человека, неразложимость его на составные части. Воспринимаемый и обозначаемый человеком объект при вхождении его в сферу восприятия и языкового воспроизведения оказывается уже принадлежащим человеческому «микрокосму». Понятие же микрокосма в древнегреческой философии – аналог космоса, то есть сферы человеческой жизнедеятельности в лоне Природы. Поэтому вхождение объекта в человеческий микрокосм не может рассматриваться как принадлежность чистой субъективности. «Представления души» выражаемые в слове, языке, в трактовке Аристотеля, характеризуют то, что язык, слово изначально выражают отношение человека к миру не на уровне субъективности (атрибутивного в человеке), а на уровне его «микрокосмической» целостности. Иначе говоря, «представления души» – это всегда выражение причастности микрокосма космосу, то есть человека природе. «Представления души» в трактовке Аристотеля, таким образом, нельзя оценивать как не выражающие Природу, сущность Мира. Данный вывод подтверждает возможность усмотрения определенного концептуального единства в позиции Платона и Аристотеля. В различных формах оно присутствует и в других античных вариантах осмысления человека как микрокосма. Для античной философии, как известно, является характерной трактовка человека как микрокосма. Как концептуальное основание эта трактовка предполагает рассмотрение языка в качестве принадлежности сфере микрокосма через космос. Тем самым образ мироотношения может быть охарактеризован как единство человека с природой, микрокосма и космосом.

Подход к рассмотрению сущности языка заключается в признании его даром Бога, даром, в котором Бог сам присутствует. Христианская трактовка языка в смысловом плане основана на тексте Священного Писания. Рассматривая его, Августин отмечает, что «Божественное Слово» получило «тело в Христе», так и мысль обретает плоть в звучащем или написанном слове. Здесь надо отметить, что трактовка слова и, в этом смысле, языка здесь не сводится к знаковому выражению. Августин вспоминает проповеди Амвросия Медиоланского, который повторял в качестве правила: «буква убивает, а дух животворит». Присутствие духа – это то, что отличает знак и слово, как знак, от Слова как смысла, соединяющего человека с Божественным, истинным, животворящим. Выделение этого момента стало основой учения о таинственных свойствах и магическом действии имен, принадлежащее гностицизму. В русле этого можно рассматривать то, что затем в схоластической философии признавалось отличие понятий «по природе», выражающих сущность, и «по установлению», выражающих значение термина. Происхождение того, что относили к понятиям по природе, прямо связывали с Божественным творческим актом. Понятия же по установлению рассматривали в качестве результата человеческой способности обозначать вещи, явления именами. Особое место в средневековой философии занимает полемика номиналистов и реалистов по поводу универсалий –

всеобщих понятий. В этой полемике проявилось неоднозначное отношение к сущности как мыслительных, так и языковых форм. Острота этой полемики показывала огромное значение понимания соотношения мыслительных и языковых форм и соотношения различных языковых форм для понимания возможностей разума.

Христианская концепция языка основывается на самостоятельной «системе координат». Она выражает полное признание зависимости человеческих явлений и способностей от Божественного начала и Божественного промысла. Через Слово Божье человек может, согласно этой концепции, осуществить свое миропонимание и мироотношение. Слово имеет значение связи человека и Бога. Такая связь проявляется через чтение Священного писания, через молитвы, через культовые знаки и действия. В сфере жизненных смыслов, организованных через так понимаемое Слово, обнаруживается как первостепенное все, что относится к Богу и его проявлениям. Человеческое же оказывается по ту сторону главного, оказывается несущественным, сиюминутным, проходящим. Противники христианской религии могут назвать такое положение отрывом человека от реальности, которая обессиливает человека. Странники же христианского вероучения, напротив, подчеркнут, что такое понимание Божественного Слова делает человека истинно сильным, так как дает ему платформу выходить в мир Божественной сущности, а не прозябать в мире Хаоса.

В Новое время язык рассматривается в контексте познавательной проблематики. В этом плане разрабатывалась трактовка языка как средства, благодаря которому появляется возможность отмечать уже познанное, выявленное. В то же время обнаруживалось, что язык может способствовать искажению истинного знания. Возникла идея создания условий для очищения от заблуждений и идея создания языка науки, который употреблялся бы только для логически строгих рассуждений, для точных, обдуманых операций ума и был бы понятен людям всех стран [6, с. 10]. Дж. Дальгарно, Г. Лейбниц, А. Арно, К. Лансло и другие на основе философии Декарта разрабатывали идею создания универсального философского языка. Они считали, что в основе любого языка лежат законы логики. Можно различить наличие двух основных версий сущности языка, созданных в этот период.

Первая версия полностью сводит язык к массиву слов, принимаемых в качестве знаков. Эта позиция представлена Т. Гоббсом [3, с. 62–63]. Данный подход предметно распределен в области рассмотрения соотношения обозначаемого и того, чем обозначают. Специфику этого подхода можно определить как «микро»-функциональное рассмотрение. Здесь фигурируют, с одной стороны, то, что должно получить языковое обозначение (объект) и, с другой, то, что явится обозначающим, то есть имеющим функцию обозначения (та или иная языковая форма). При этом языковая форма как противоположение объекту при «микрофункциональном» рассмотрении подвергается тщательному анализу для выяснения ее возможностей. Здесь проблемой может выступать вопрос о том, насколько, обозначая объект, языковая форма сохраняет или не сохраняет соответствие ему.

Вторая версия языка, сформировавшаяся в Новое время, характеризует недостаточность усмотрения в языке только массива знаков. Так, Лейбниц считал, что связь между знаком и идеей является произвольной, но язык в своей основе содержит «нечто первичное», «мудрое и достойное первого творца», то есть он не может быть просто сведен к статусу знакового средства. В этой позиции обретает свою опору идея рассмотрения языка как самостоятельного специфического образования, которое является источником и основой творческой деятельности человеческого духа (Гаман, Гердер, Шлегель, Гумбольдт). Гаман считает язык органом и критерием разума. Разум же, по его мнению, не может рассматриваться как «склад» текстов, слов, выражений. Квалифицируя язык в качестве органа и критерия разума, Гаман выводит его понимание на уровень собственно явления культуры, но не наряду с другими явлениями, а имеющего в себе потенциал развития культуры как единого процесса, то есть затрагивающего (формирующего, трансформирующего и т. п.) все другие. В позиции Гердера содержится близкая позиция. Отличием в ней является акцентировка сферы человеческого духа. Гердер считает, что язык – это не только средство, а и содержание и форма человеческих мыслей, то, что образует их предел. Познать, по Гердеру, – значит обозначить. Весь строй языка – это форма развития человеческого духа. [2, с. 133–154]. Позиция Гумбольдта возвращает к идее понимания языка как непрерывного процесса духовного творчества – «энергейи», а не «эргона» – чего-то застывшего, ставшего, выраженного готовым продуктом. Первое человеческое слово, – по мнению Гумбольдта, – уже говорит о существовании всего языка. Язык вложен в человека как инстинкт в животных. Это формирующий орган мысли, «интеллектуальный инстинкт» разума,

особый посредствующий мир, который человеческий дух ставит между собой и миром предметов, чтобы воспринять и переработать их. Язык – средство открытия неизвестного более, чем средство передачи известного, он есть дыхание индивидуальной национальной жизни. Язык выявляет и формирует своеобразие духа народа. После Гумбольдта Потебня называет язык инстинктивным самосознанием народа.

Из двух отмеченных версий понимания языка первая наибольшим образом получила развитие в современных лингвистических исследованиях, благодаря тому, что процесс познания востребовал реализацию структурно-функциональных возможностей языка. Так, например, Ф. де Соссюр язык рассматривал как знаковую систему [7]. Соссюр является одним из создателей структурной лингвистики. Он разграничил язык как систему взаимосвязанных знаков, надиндивидуальных форм и речь как продукт индивидуального творчества. Языковой знак соединяет не вещь и имя, а понятие и акустический образ (означаемое и означающее). Эта связь не мотивирована, но обязательна для данного языкового коллектива. На основе взглядов Соссюра развилось структуралистское направление в языкознании. Появились школы структурной лингвистики: пражская, копенгагенская, американская. Структурная лингвистика выделяет план выражения и план содержания. В каждом из них выделяют форму (систему отношений) и субстанцию. Например, Л. Емслев – представитель копенгагенской школы структурной лингвистики – сформулировал принцип иерархии как принцип строения языка и одновременно его описания, определил основные классы основных языковых зависимостей (детерминации, интердепенденции, констелляции). На основе структурного подхода к пониманию языка возникает теория глоссематики как абстрактная теория языка вообще – имманентная лингвистика или алгебра языка. Она призвана описывать любой возможный текст любого возможного языка [5]. Эта идея восходит к идеям создания универсальной рациональной грамматики и семантики (Лейбниц, Пор-Рояль), к идее априорной грамматики Гуссерля, дескриптивной семасиологии А. Марти, чистого синтаксиса Карнапа и др. Пражская школа структурной лингвистики делает акцент на рассмотрении функций уже выделенных языковых структур. Под функцией понимается целеустановка. Она проявляется в виде таких функций языка как коммуникативная, мыслительная, эстетическая. Функциональный подход в рамках Пражской школы структурной лингвистики разделял В. Матезиус и другие, а также русские лингвисты Р. Якобсон, Н. С. Трубецкой и др. Америанская школа структурной лингвистики, представленная прежде всего Л. Блумфилдом (1887–1949), разрабатывавшим идеи дескриптивной лингвистики, описывает язык в духе бихевиоризма как систему сигналов, употребление которых определяется ситуацией. Язык сводится к речевому поведению. Каждый речевой акт характеризуется через понятия стимула и реакции. Дескриптивная лингвистика не может рассматриваться в качестве теории, а только как набор предписаний об описании.

Данная версия языка как системы знаков характеризует утилитарно-прикладной тип отношения человека к миру, где человек играет роль манипулятора, уполномоченного действовать в соответствии со своими потребностями и стремлением к удобствам. Язык при этом оказывается средством, которое удобно употреблять, раскладывать на составные элементы и модифицировать по собственному усмотрению. Ограничителем при этом может выступить лишь воля других людей, которые либо согласятся с учиненными модификациями, либо будут отвергать их. Иллюстрацией могут служить целый ряд концепций языка, активно разрабатывающихся в наше время. В их числе антропологическая концепция А. Гелена, которая сложилась во многом под влиянием прагматизма. Она акцентирует роль языка в разгрузке человеческого восприятия от переполняющих его неспецифических раздражителей путем их символической переработки. В этой же рубрике понимания языка находится и конвенционалистская концепция языка, основанная на преувеличении сходства естественных и искусственных языков. Эта концепция в своем основании подкрепляется логическим позитивизмом Карнапа. Конвенционалистская концепция языка характеризует его как процесс выбора правил, по которым осуществляются обозначения, и соответствующие им действия человека с тем, что ему необходимо и интересно. В выборе правил игры человек ничем не ограничен. Нет этого ограничения и в выборе правил языка, по мнению представителей конвенционалистской концепции. Отсюда делается вывод о возможности и необходимости совершенствования естественных языков. Реализация этого вывода представлена в реконструкционизме Рассела, Карнапа, Вуджера и в дескрипционизме Витгенштейна, Райла, Строусона, которые исследовали способы функциониро-

вания естественных языков с целью ликвидации затруднений, связанных с их неправильным использованием.

Утилитарно-прикладной тип мироотношения и мировоззрения ведет к деформации оценки не только сущности, статуса и роли языка в мире, но и к деформации понимания культуры. Язык в конвенционалистской концепции основан на деформации классических образов культуры. В контексте этой концепции он выступает универсальным инструментом манипуляции смыслами и значениями, позволяющими конструировать любые требуемые образы реальности, образы, строящиеся человеком в соответствии со своей ситуативной позицией и целями. Прагматизм, отвлеченный от содержания сквозных культурно-исторических смыслов человеческого бытия, ориентирован на культ вседозволенности потребляющего существа. Язык, позволяющий в качестве универсального инструмента, строить реальность подчиненную непосредственной потребности – потребности, обусловленной не целями культуры, а лишь целями удовлетворения, применения, превращающими все, включая Природу, в скопление того, что уже потребляется и того, что будет потребляться позже. Признание такой роли языка позволила представителям конвенционалистской концепции подчеркнуть, что язык – единственный или самый важный предмет философского исследования. Смысл этого высказывания ориентирован на обладание в собственных целях универсальным инструментом реконструкции реальности в пользу воплощения ее желаемого образа.

Вторая версия понимания языка, в которой акцентируется недостаточность его трактовки как системы знаков, в свою очередь оказывается представлена различными вариантами. Среди них основными являются: понимание языка как результата субъективных усилий и особенностей человека, как акта индивидуального духовного творчества человека и понимание языка как способа и результата связи человека с миром, который имеет надиндивидуальный характер.

Понимание языка как акта индивидуального духовного творчества человека признается К. Фосслером (1872–1949) – главой школы «идеалистической нефилологии». К. Фосслер противопоставляет идеализм и позитивизм как два основных направления истолкования языка. Язык, по мнению К. Фосслера, является не только актом индивидуального духовного творчества, но и является эстетическим феноменом – выражением индивидуальных интуиций говорящих людей. В этом смысле, – делает вывод К. Фосслер, – все элементы языка – это стилистические средства выражения человеческого духа, а стилистика – высшая лингвистическая дисциплина. Глава школы «Слова и вещи» Х. Шухардт (1842–1927) аналогично считает язык результатом субъективной активности человека. Он характеризует язык как «волевое проявление чувственных впечатлений». Поэтому, по его мнению, не фонетика, а семантика главное для изучения в связи языка с именуемой реальностью. Х. Шухардт является сторонником превращения этимологии в историю слово-вещей и критиком позиции младограмматиков, для которых характерна позитивистская позиция в рассмотрении языка. Немецкий романтизм осуществляет критику рационализации языка и акцентирует его мифотворческий потенциал. Так, Хайдеггер подчеркивает, что язык – не есть орудие, одна из способностей человека. Язык – это дом бытия. Не человек говорит, а язык говорит человеку и человеком.

Понимание языка как способа и результата связи человека с миром, который имеет надиндивидуальный характер, представлено в немецком неогумбольдтианстве. С точки зрения немецкого неогумбольдтианства, родной язык играет определяющую роль в формировании той или иной смысловой картины мира у представителей данного языкового сообщества. Например, Вайсгербер считал, что формы родного языка – это априорные формы восприятия для отдельного индивида. Понятие внутренней формы как принципа формообразования каждого языка, делающего органическим целым, получило разработку не только в концепции содержательной грамматики Вайсгербера, но и в теории семантических полей В. Порцига и И. Трира и др. В неокантианской концепции Кассирера язык – это специфическая сфера саморазвертывания духа. Она существует самостоятельно как символическая система наряду с мифом, искусством и наукой. Кассирер подчеркивает смыслополагающую природу языка и критикует представление о языке как средстве отображения какой-либо данности или внутреннего бытия. Смыслополагание как суть языка раскрывается в дистанцировании языка от чувственной непосредственности выражения, в развитии языка от мимической и аналогической ступеней к собственно символической.

Все больше авторов концепций языка обнаруживают недостаточность одной из сторон полярного рассмотрения языка: либо как внутри-субъективно-обусловленного явления, либо как явления

на індивідуального. Осуществляется попытка осмыслить возможность если не их единство, то хотя бы их связь. Адорно и Хоркхаймер предприняли социологическую критику языка как составной части современной критики культуры. Критика производилась ими на основе гумбольдтианского разделения знакового и образного аспектов языка. «В качестве знака язык должен стать только калькуляцией; познавая природу, отказаться от притязаний быть подобным ей. В качестве образа язык должен стать только отображением; чтобы всецело быть природой, отказаться от притязаний познавать ее» [8, с. 29]. Здесь подчеркивается недостаточность усмотрения двойственных характеристик языковых явлений и необходимость выявления того, что поможет понять язык как явление, которому присуще внутреннее единство. К числу одного из вариантов такого рода можно отнести и концепцию языка Карла-Отто Апеля. В работе «Трансцендентально-герменевтическое понятие языка» [1, с. 237–262] он отмечает, что философское понятие языка побуждает науку к критической рефлексии, необходимую постольку, поскольку языковое прояснение основных понятий любой науки возвращает нас в философию [1, с. 239]. Трансцендентальный характер языка, отмечаемый Апелем, выражается в его внеиндивидуальном происхождении и функционировании. Осознание этого обстоятельства, с точки зрения Апеля, может помочь развитию науки через установление «поля» понимания, сближающего частные науки и философию.

Концепции языка, функционирующие в современном научном и философском сознании, отличаются большим разнообразием. В их числе можно отметить группу психологических теорий; концепции сравнительно-исторического языкознания; группу натуралистических теорий; взгляды идеалистической школы «неофилологии»; концепции, трактующие язык как знаковые системы; концепции структурной лингвистики; функциональной лингвистики; этнолингвистики; дискриптивной лингвистики; концепции языка как деятельности; антропологические концепции языка [А. Гелен]; конвенционалистские концепции языка и др.

Массив этих концепций свидетельствует о большом количестве усилий, прилагаемом к раскрытию сущности языка. Каждая из них дает определенный ответ на этот вопрос и выступает основой и совершенно определенной моделью, характеризующей связь человека с миром. Различие этих моделей выражает и различный потенциал вариантов связи человека с миром. Определение возможности различных вариантов связи человека с миром выступает условием для осознанного выбора условий и форм будущего развития, как отдельного человека, так и человеческого сообщества в целом.

Общим недостатком концепций языка является абстрактность подхода к его рассмотрению, представленная в них. Она заключается в том, что каждая из них в качестве своей основы берет ту или иную характеристику или свойство языка и на ней строит всю концепцию. Однако необходимо заметить, что собственно концептуальный уровень рассмотрения может быть обеспечен, если оно содержит воспроизведение пути становления того, что рассматривается. Этому требованию не соответствует даже «срезовой» подход, который состоит в определении характерных черт исследуемого явления через определение состояния на момент исследования, путем эмпирического описания. Противоположностью абстрактного подхода, в котором реализуется в лучшем случае эмпирический уровень исследования, можно назвать конкретно-исторический подход, разработанный К. Марксом и Ф. Энгельсом – создателями материалистической диалектики и материалистического понимания истории. На основе этого подхода проведены исследования языка Л. С. Выготским, А. Н. Леонтьевым и их последователями. Речь идет об исследовании и понимании сущности языка как явления культуры, которое может и должно воспроизводиться в развитии новых и новых поколений людей через их приобщение к культуре через язык. Моделью такого воспроизведения может быть назван так называемый «эксперимент века» – многолетнее обучение и воспитание детей, у которых отсутствовали основные каналы связи с миром – слух и зрение. Результатом эксперимента, как известно, стало подтверждение марксовской концепции развития человека и соответствующей ей концепции языка как явления культуры. Огромные успехи в развитии детей, участвующих в «эксперименте века», превышающие по уровню развития любого среднего человека с высшим образованием, свидетельствуют о верности выбранных для эксперимента методологических оснований. На других основаниях такая задача выполнена не может быть. Это подтверждают имеющиеся попытки осуществления такой задачи, но на других концептуальных основаниях, не приведших к ее осуществлению. Деятельностная концепция развития человека и

общества, разработанная в марксовской философии, методологически адекватно обуславливает достижение единства осмысления явлений человеческого существования – как собственно культурных, так и явлений цивилизационного характера, противостоящих друг другу по принципам их формирования. В этом плане в осмыслении языка особое значение имеет то, как выделяется предмет исследования. Существование множества концепций языка говорит о том, что выделение предмета исследования осуществляется весьма различно. Это, в свою очередь, говорит о недостатке внимания со стороны исследователей к проблеме выделения предмета исследования как таковой. Недостаток внимания здесь заключается в том, что выделение предмета исследования осуществляется спонтанно и обусловлено, как правило, вненаучными причинами, а не серьезной методологической проработкой вопроса о том, что должно стать предметом исследования. Если стоит задача исследовать язык.

Выводы. Отношение к языку не является нейтральным к состоянию и перспективам развития человека и общества. В современный период к языку более всего относятся как средству. Усиливает этот негативный подход то, что собственно культурные формы человеческого существования оттесняются техницистско-цивилизационными. В рамках техницистски-цивилизационной организации жизни человеческого сообщества все, включая и язык, приобретает статус средства. При этом забывается, что инструментальное понимание языка (как инструмента, средства) формирует внутренний мир человека по такому же типу. Это то, что сейчас иногда называют «роботизация» человека. Такой процесс не может не идти. Он обусловлен тем, что реконструктивная стихия языка полностью сводится к схемам, моделям, в которых проектируется отношение к миру не творческое и созидательное, а «примененческое», то есть конечное, а значит ограниченное той или иной потребностной ситуацией. Ее можно обозначить словами «надо для...». Когда «надо для...» как форма мироотношения реализуется, то в этот момент прекращается и актуальное отношение человека как пользователя к миру. Зазор от одной потребностной ситуации до другой представляет собой некий «вакуум», то есть некое небытие потребности (небытие потребностного отношения). Что должен представлять собой язык, содержание языка в этом случае? Видимо, он в этом случае воплощает в себе образ инструмента не востребованного, «лежащего на полке». Культура в ожидании? Нет. Ее в этом случае просто нет. В контексте пользовательского отношения к миру культура как способ творческого, созидательного, социально значимого отношения человека к миру не проявляется. Так же как не проявляется язык как явление культуры. В контексте техницистски-цивилизационного мироотношения функционирует система знаков, которую некоторые позволяют себе называть языком.

Актуальность философского рассмотрения языка обуславливается все более осознаваемой необходимостью сохранения целостности процесса развития культуры, человеческого мышления и языка как глобального условия выживания человечества.

Источники и литература

1. Апель К.-О. Трансцендентально-герменевтическое понятие языка / К.-О. Апель. – М. : Логос. – С. 237–262, 239.
2. Аристотель. Сочинение : в 4 т. Т. 2 / Аристотель. – М. : Мысль. – С. 93.
3. Гердер Й. Г. Трактат о происхождении языка / Й. Г. Гердер // Избранные сочинения. – М. ; Л. : [б. и.], 1959. – С. 133–154.
4. Гоббс Т. Избранные произведения / Т. Гоббс. – Т. 1. – М. : [б. и.]. – С. 62–63.
5. Емлеев Л. Прологомены / Л. Емлеев // Новое в лингвистике. – Вып. 1. – М. : [б. и.], 1960.
6. Кондорсе. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / Кондорсе. – М. : [б. и.], 1936. – С. 10.
7. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. – М. : [б. и.], 1916.
8. Adorno Th. Dialektik der Aufklarung / Adorno Th., Horkheimer. – М. : Amst., 1947. – S. 29.

Гусьва Ніна. Концепції мови як моделі світовідношення. У статті представлено філософський аналіз концепцій мови як моделей світовідношення, осмислення мови з погляду різної «предметної» спрямованості, у межах історично зумовлених, смислових «систем координат», які формують певний тип розуміння мови, що відтворює водночас суттєві риси культури відповідного періоду. Автор відтворив логіку концептуального аналізу мови в історико-філософському поступі, розглянув низку сучасних філософських теорій стосовно мови. Мова постає необхідною умовою власне людського ставлення до світу, знання якої не може не бути змістово значущим для розв'язання будь-яких проблем, які характеризують актуальний зв'язок людини зі світом. Різне розуміння мови як умови людського зв'язку зі світом передбачає усвідомлення можливості присутності різної специфіки її структури, форм здійснення, способів відтворення тощо, які суттєво коригують

образ світу, в якому людина здійснює свою життєдіяльність. Діяльнісна концепція розвитку людини й суспільства методологічно адекватно зумовлює досягнення єдності осмислення явищ людського існування – і власне культурних, так і явищ цивілізаційного характеру, які протистоять одне одному за принципами їхнього формування. У контексті споживацького ставлення до світу культура як спосіб творчого, соціально значущого ставлення людини до світу не проявляється, так само як не проявляється мова як явище культури.

Ключові слова: мова, світовідношення, слово, знак, знакова система.

Guseva Nina. Concept of Language as an Outlook Model. This paper presents a philosophical analysis of the concept of language as a model outlook, understanding language in terms of different «subject» orientation, within the historically conditioned, meaning «coordinate system», which form some type of understanding of the language that plays at the same time the essential features of the respective culture period. The author has reproduced the logic of conceptual examination of language in historical and philosophical progress, address a number of contemporary philosophical theories concerning language. It appears a prerequisite for proper human relationship to the world. Knowledge of this condition can not be meaningfully important to address any issues that characterize the current relationship of man with the world. Different understanding of language as a condition of the human connection to the world involves awareness of the possibility of the presence of different specificity patterns, forms of exercise, how to play so that significantly adjust image of the world in which a person performs its vital functions. Activity-conception of man and society methodologically adequate causes for unity reflection phenomena of human existence as its own cultural and civilizational phenomena of nature, opposing each other on the principles of their formation. In the context of consumerism for the world culture as a means of creative, socially meaningful relationship between man and the world does not appear. Just as it does not manifest itself as a cultural phenomenon.

Key words: language, outlook, word, sign, sign system.

Стаття надійшла до редколегії
20.03.2013 р.

УДК 101.1 (165.6)

Іван Донець

Онтологічні засади феномену «Я»

У статті проаналізовано проблему «Я», що може бути пізнана тією мірою, яку дає змогу пізнати ступінь проникнення людини у власне свою здатність – осягнення світу, себе як його частини та здатності, що проявляється як можливість осягнення будь-якої проблеми, зокрема й вибраної нами.

Ключові слова: онтологія, гносеологія, «Я».

Постановка наукової проблеми та її значення. Аналізуючи феномен «Я» як поєднання феноменального, ноуменального, трансцендентального аспектів, які надто теоретично ускладнені, важливо дослідити практичні аспекти досягнення межового «Я» в релігійних, псевдорелігійних чи містичних практиках і східної, і західної культур.

Виклад основного матеріалу й обґрунтування отриманих результатів дослідження. Виділимо, наприклад, онтологічну основу герметизму. Вважають, що герметизм поєднав у собі теологію і філософію. Читаємо: «Одного разу, коли я розпочав роздуми про суще, думка моя витала в небесах, у той час як усі мої тілесні відчуття були притуплені, як у важкому сні, який наступає зразу ж після перенасичення їжею чи великою втомою. Мені здалося, ніби щось велике, без певних обрисів появилось переді мною. Назвавши мене моїм ім'ям і, сказало мені.. « [8, с. 13–14]. Далі описано відому практику... появи Світла, тобто Святого Слова, Сина Божого та деякі метаморфози. Однак усе прочитане має своєрідну й сугестивну силу, оскільки спирається на не визначене, не ідентифіковане. А ось і форма такого впливу-навіювання: «Зосередь свій розум на Світлі й осягни се... Ти побачив у своїй думці форму одвічну, що передує безкінечному началу... Бог – життя й Світло... Це світло – це я, Розум, твій Бог» [8, с. 15]. Далі йде опис демонів як пекельного світла тощо.